

Домик унтер-лейтенанта

Люди среднего достатка (в том числе большинство дворян) жили в одноэтажных деревянных домах. В 1723 г. при возведении Итальянского дворца сломали двор морского унтер-лейтенанта Никиты Желябужского, который стоял «на Литейной улице». В деревянном доме, обшитом снаружи досками, было три комнаты — «светлицы» и сени. Печи в светлицах были облицованы зелеными изразцами, на усадьбе имелись баня, амбар, конюшня, крытые гонтом. Перед домом тротуар длиной в десять

⁴⁵ *Калязина Н. В.* Архитекторы ансамбля дворца Меншикова на Васильевском острове // Русская культура первой четверти XVIII века: Дворец Меншикова. СПб., 1992. С. 17.

саженей — «мост каменный».⁴⁶ Все остальное — скромно, но жить Желябужскому было удобно, конечно, пока государь не переселил в другое место: в городе почти сто лет не существовало собственности на землю, в любой момент участок у владельца, построившего на нем дом, могли отобрать. Когда это произошло, Желябужскому выдали из казны 60 руб.

Богаче был другой снесенный дом на Малой Неве. Его владелец поручик Прокофий Мурзин в 1720 г. получил за него 3000 руб. Это был каменный дом длиной 10,5 и шириной 6 саженей (22 x 12 м) в два этажа. Наверху было шесть жилых комнат и одни сени, «да сало», на первом этаже семь комнат и сени. Под первым этажом — шесть подвалов, в том числе два со сводами, четыре подвала — «накатных», то есть с потолком из бревен. Дом был покрыт черепицей. По-видимому, хозяин еще его не обустроил: потолки были подбиты только тесом, стены дома «с лица и снаружи не подмазаны и печей... нет».⁴⁷

Строительство деревянного дома

Каменным, под черепичной крышей был и дом архитектора Микетти на Московской стороне, который в 1725 г. перешел к его коллеге Михаилу Земцову. Но он был поскромнее дома Мурзина: длиной 9 саженей (около 20 м) в два покая («палатки») с сенями между ними, внизу два погреба, каменное крыльцо. На участке площадью 34 сажени в длину и 15 саженей в ширину (70x30 м) кроме дома еще были деревянные строе-

⁴⁶ РГИА. Ф. 465. Оп. 1. Д. 530. Л. 7 об.

⁴⁷ Там же. Д. 66. Л. 348.

ния: покрытые дранью сарай и конюшня (длина 10 саженой), погреб (5 саженой), «изба люцкая» (2 сажени) и сарайчик «о трех стенах», вероятно, для дров или нужник.⁴⁸

Дворянам, как и всем другим, жить в Петербурге было тяжело. Указы о переселении (первый относится к январю 1712 г. и предусматривал переселение 1212 семей царедворцев)⁴⁹ были суровы к ослушникам. Дворяне были обязаны не просто переселиться в новую столицу, но и строить там для себя постоянный дом. Чем богаче был помещик, тем обширнее полагалось иметь жилище. Как уже сказано, поначалу центр столицы Петр хотел разместить на Котлине. Там и было приказано дворянам строиться. Впрочем, те, кто медлил с исполнением царского указа, как оказалось, не прогадали — вскоре Петр раздумал и приказал начать все заново уже в Петербурге, остановившись, в конечном счете, на василеостровском варианте. Тут предстояло также обосноваться в «указном месте», строить по утвержденному архитектором проекту. Серией именных и сенатских указов в 1716—1724 гг. дворяне, внесенные в списки, насчитывающие до 720 дворохозяев, были обязаны селиться на Васильевском острове. При этом, в отличие от времен «котлинского переселения», власти «сидели за каждым из нескольких сот шляхтичей, определенных в петербургское житье».⁵⁰ О тщательности этой работы свидетельствует сам заголовок одного из списков 1723 г.: «О высылке дворян на жительство в Санкт-Петербург, осмотре их доктором и описи имущества ослушавшихся указа».⁵¹ Думаю, что при всей неясности статистики в Петербурге конца петровского времени жило не менее тысячи дворянских семей, учитывая как переселенцев, так и тех, кто по долгу службы жил в столице.